

6.2.6 НАЗАРИЯ ВА АМАЛИЯИ ТАРЧУМА: ШАКЛ, НАМУД ВА МЕТОДҲОИ ТАРЧУМА
6.2.6 ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА: ФОРМА, ВИД И МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА
6.2.6 TRANSLATION THEORY AND PRACTICE: FORM, TYPE, AND METHODS OF
TRANSLATION

УДК 81.25

DOI 10.24412/3005-849X-2026-1-87-101

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: ПРОБЛЕМА
СОХРАНЕНИЯ АВТОРСКОГО
ЗАМЫСЛА И СТИЛИСТИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ РОМАНА С. АЙНИ
«ДОХУНДА» В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ**

**ТАРЧУМАИ АДАБИҲАМЧУН
ТАФСИР: МАСЪАЛАИ НИГОҲ
ДОШТАНИ НИЯТИ МУАЛЛИФ ВА
ХУСУСИЯТҲОИ УСЛУБИИ РОМАНИ
«ДОХУНДА»-И С. АЙНИ ДАР
ТАРЧУМАИ РУСӢ**

**LITERARY TRANSLATION AS
INTERPRETATION: THE PROBLEM OF
PRESERVING THE AUTHOR'S
INTENTION AND STYLISTIC FEATURES
OF S. AINI'S NOVEL "DOKHUNDA" IN
RUSSIAN TRANSLATION**

Бобоева Малика Сухбатulloевна,
преподаватель лица при ТГПУ имени
С. Айни, соискатель кафедры русской и
мировой литературы ТГПУ имени С. Айни
(Душанбе, Таджикистан)

Бобоева Малика Сухбатulloевна,
омӯзгори литсеи назди ДДТТ ба номи
С. Айни, докталаби кафедраи адабиёти
рус ва ҷаҳони ДДТТ ба номи С. Айни
(Душанбе, Тоҷикистон)

Boboeva Malika Sukhbatulloevna, teacher of
the Lyceum of the TSPU named after S. Aini,
applicant for the department of Russian and
World Literature under the TSPU named after
S. Aini (Dushanbe, Tajikistan)
e-mail: kleopatra_00_92@mail.ru

Осуществлён комплексный анализ переводческих трансформаций в переводе романа Садриддина Айни «Дохунда» Олега Эрберга с таджикского на русский язык, показана стратегия передачи национально-культурных особенностей, стилистических нюансов и авторского замысла в художественном переводе. Путём сравнительного анализа оригинала и перевода рассмотрена проблема сохранения в переводе национального колорита. На конкретных примерах демонстрируется, как лексические трансформации (конкретизация, генерализация, модуляция) помогают адаптировать текст для русскоязычного читателя, сохраняя при этом этнографическую точность. Анализ выявляет ключевые трудности перевода: необходимость баланса между адекватностью и адаптивностью, компенсацию звуковой игры в пословицах, передачу эмоциональной насыщенности диалогов. Исследование подтверждает, что успешный перевод национально окрашенных текстов требует не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурного контекста. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций для переводчиков: это использование пояснительных сносок для реалий, поиск аллитерационных эквивалентов для фольклорных элементов, учёт социально-исторического подтекста. Результаты анализа и практические рекомендации могут быть применены в практике перевода художественной литературы, а также в преподавательской деятельности.

Ключевые слова: художественный перевод; переводческие трансформации; национальный колорит; Садриддин Айни; роман «Дохунда»; таджикская литература; эквивалентность

Таҳлили ҳамаҷонибаи таҳаввулоти тарҷума дар тарҷумаи русии романи «Дохунда»-и Садриддин Айнӣ, ки аз тоҷикӣ Олег Эрберг баргардон кардааст, сурат гирифтааст. Стратегияи ифодаи вижагиҳои миллӣ-фарҳангӣ, тобишҳои услубӣ ва нияти муаллиф дар тарҷумаи адабӣ нишон дода шудааст. Тавассути методи таҳлили муқоисавии матни сарчашма ва тарҷума, масъалаи дар тарҷума нигоҳ доштани махсусиятҳои миллӣ баррасӣ шудааст. Бо мисолҳои мушаххас собит шудааст, ки чӣ тавр тағйироти лексикӣ (мушаххаскунӣ, генерализатсия, модулятсия) матнро барои хонандагони русзабон мутобиқ мекунад ва зимнан дақиқии этнографӣ ҳифз карда мешавад. Таҳлил мушиклоти асосии тарҷумаро ошкор месозад: зарурати риояи таносуби мувофиқати тарҷума ба асл ва мутобиқкунӣ, ҷуброни бози ҳуруф дар зарбулмасалҳо ва нигоҳ доштани ташаннуҷи эҳсосот дар муколамаҳо. Тадқиқот собит месозад, ки тарҷумаи муваффақи матнҳои дорои вижагиҳои миллӣ на танҳо малакаи забондонӣ, балки фаҳмиши амиқи бофтори фарҳангиро низ тақозо мекунад. Аҳамияти амалии тадқиқот дар таҳияи тавсияҳо барои тарҷумонҳо зоҳир мешавад: истифодаи эзоҳҳо барои реалияҳо, ҷустуҷӯи муодилҳои аллтиратсионӣ барои унсурҳои фолклорӣ ва ба назар гирифтани заминаи иҷтимоӣ-таърихӣ. Натиҷаҳо ва тавсияҳои амалӣ метавонанд ҳангоми тарҷумаи адабиёти бадеӣ, ҳамчунин фаъолияти омӯзгорӣ мавриди истифода қарор гиранд.

Калидвожаҳо: тарҷумаи адабӣ; таҳаввулоти тарҷумавӣ; вижагиҳои миллӣ; Садриддин Айнӣ; романи «Дохунда»; адабиёти тоҷик; муодилият

The article presents a comprehensive analysis of translation transformations in Oleg Erberg's translation of Sadridin Aini's novel "Dokhunda" from Tajik into Russian, demonstrating the strategy for conveying national and cultural characteristics, stylistic nuances, and the author's intention in literary translation. Through a comparative analysis of the original and the translation, the problem of preserving national character in translation is examined. Specific examples are used to demonstrate how lexical transformations (specification, generalization, modulation) help adapt the text for a Russian-speaking reader while maintaining ethnographic accuracy. The analysis reveals key translation challenges: the need to balance appropriateness and adaptability, compensating for the sound effects in proverbs, and conveying the emotional intensity of dialogue. The study confirms that successful translation of nationally charged texts requires not only linguistic competence but also a deep understanding of the cultural context. The practical significance of this work lies in the development of recommendations for translators: the use of explanatory footnotes for realia, the search for alliterative equivalents for folkloric elements, and the consideration of socio-historical subtext. The results of the analysis and practical recommendations can be applied in the translation of fiction, as well as in teaching.

Key-words: literary translation; translation transformations; national colour; Sadridin Aini; novel «Dokhunda»; Tajik literature; equivalence

Известно, что при переводе художественного текста неизбежно меняются форма и содержание оригинала. Эти изменения особенно заметны при использовании различных трансформаций, с помощью которых переводчик пытается адаптировать текст для иноязычного читателя, сохраняя его смысл и стилистику. В романе Садриддина Аини «Дохунда» в переводе Олега Эрберга (1956) переводческие трансформации помогают адекватно передать национальный колорит, культурные реалии и авторский стиль. Как отмечает Дж. Мурувватиён: «О.Е. Эрберг неоднократно возвращался к ранее переведенному тексту: напечатанный в 1956 г. «Дохунда» подвергался более или менее существенным трансформациям, то есть, как показал анализ, текст перевода постоянно менялся. После чтения этих двух изданий в исполнении одного и того же переводчика

можно понять, насколько может отличаться ощущение от разных стилей изложения. В переводе, изданном в 1956 году, перевод читается легче, он ближе к стилю самого С. Айни, в издании 1971 года видно, что перевод был изменён» [6, с. 109].

Суть трансформаций – замена единиц ИЯ на единицы ПЯ, не являющиеся словарными эквивалентами [3, с. 196]. Трансформация – это возможность, которая позволяет преобразовать структуру текста перевода, систематизирует различные типы преобразований исходного текста, осуществляемых переводчиком в процессе работы (так называемые переводческие трансформации), а также устанавливает связь между межъязыковыми и внутриязыковыми изменениями. Особенно значим данный подход в ситуациях, когда в языке перевода отсутствуют прямые эквиваленты исходных единиц: в таких случаях трансформационный подход демонстрирует возможные стратегии адаптации исходного содержания с сохранением его семантической и прагматической ценности [4, с.161]. Как отмечает В.Н. Комиссаров, в основу современных теорий трансформации [4, с. 21-22] легла систематизация переводческих приемов, начатая Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне. Эти приемы особенно важны при работе с безэквивалентной лексикой — словами и конструкциями, не имеющими прямых аналогов в языке перевода [10, с.12]. Согласно данной теории, при переводе чаще всего используются три основные модели: ситуативно-денотативная, трансформационная и семантическая.

Процесс трансформации включает три этапа: анализ, перенос и синтез. На этапе анализа исходный текст подвергается разбору, в ходе которого его поверхностная структура преобразуется в более простую — так называемую «ядерную» — структуру на языке оригинала. Затем, на этапе переноса, эта ядерная структура заменяется эквивалентной структурой на языке перевода. На заключительном этапе — синтезе — осуществляется оформление перевода в окончательный текст с учётом стилистических норм и особенностей языка перевода. Важно отметить, что выбор конкретной формулировки на этом этапе определяется стилистическими требованиями, поскольку один и тот же смысл может быть выражен разными способами [10, с. 37].

Если исходить из того, что при переводе всегда меняется форма выражения, то каждый перевод – это своего рода трансформация. Термин «трансформация» обрел слишком широкий смысл, поскольку этим термином называется и конкретная операция по замене языковых единиц, и сам процесс перевода. Более точно можно сказать, что одни переводы более трансформационные (требуют больше изменений), а другие – менее. Л.С. Бархударов считает **трансформационным** только тот перевод, который не основан на прямых соответствиях между языками. Он противопоставляет его **интерлинеарному** переводу, который как раз основан на таких соответствиях [3, с. 139].

Таким образом, трансформационный перевод **определяет собой способ, которым осуществляется перевод**. Когда переводчик решает использовать трансформацию при переводе, это происходит потому, что он понимает: невозможно передать смысл исходного текста, просто подставляя формальные соответствия из другого языка. Но прежде чем применить трансформацию, переводчик должен разобраться, что именно описывается в оригинальном тексте. Другими словами, даже при использовании трансформаций переводчик все равно должен понимать реальную ситуацию или явление, о которых идет речь.

Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне предложили концепцию, что есть два пути перевода: **прямой** (заимствование, калькирование, дословный перевод) и **косвенный** (транспозиция, модуляция, эквиваленция, адаптация). В каждом пути выделяются «способы перевода». Они отмечают, что в одном переводе могут одновременно использоваться разные способы. Понятие «путь» в переводе аналогично понятию «способ» (прямой соответствует

интерлинейному, косвенный – трансформационному), а «способ» перевода соответствует «приему» перевода [8, с. 266].

Согласно теории Я.И. Рецкера, «приемы логического мышления, используемые для раскрытия значения слова в контексте и поиска соответствия, отличающегося от словарного, выполняют лексические трансформации» [7, 216 с.]. Л.К. Латышев определяет их как «отклонение от словарных соответствий» [5, с. 180], обусловленное различиями в семантической структуре слов разных языков. Я. Рецкер выделил следующие разновидности лексических трансформаций: «дифференциация, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование и компенсация потерь» [7, с. 38]. Рассмотрим значение этих разновидностей.

Конкретизация значения в переводе – замена слова с общим значением в исходном языке на слово с более узким конкретным значением в языке перевода. Иногда этот процесс называют *дифференциацией конкретизации*.

Генерализация значения – прием, противоположный конкретизации, который означает замену частного понятия (видового) на более общее (родовое). Чаще генерализация применяется, когда конкретное наименование непонятно получателю перевода; излишне в контексте; стилистически менее предпочтительно.

Прием смыслового развития – замена словарного соответствия на контекстуально и логически связанное с ним, включая метафорические и метонимические замены. В процессе перевода происходит разнообразие замен между категориями: предметы, процессы и признаки. Например, предмет заменяется признаком, процесс – предметом, признак – предметом или процессом. Эти замены обусловлены расхождениями в лексике, логической структуре и образности языков. При антонимическом переводе (замене понятия на противоположное) часто требуется изменение структуры предложения, в частности замена утвердительного предложения на отрицательное, и наоборот.

Прием целостного преобразования – переосмысление и передача смысла при переводе другими словами, это разновидность смыслового развития. В отличие от антонимического перевода, он более автономен и логически слабее связан с исходным языком и переводом. Преобразуется внутренняя форма части текста целиком, от слова до предложения. Языковые контакты закрепили частотные целостные преобразования как словарные соответствия.

Прием переводческой компенсации заключается в том, что, при невозможности передать отдельный элемент оригинала, он может быть опущен или заменен. Утрата этого элемента компенсируется другими элементами, так что общее впечатление от перевода остается полноценным [7, с. 38]. Как отмечает А.В. Федоров: «Благодаря компенсации в системе целого утрата отдельного элемента, не играющего организующей роли, может и не ощущаться на фоне обширного целого. Он как бы растворяется в этом целом или заменяется другими элементами, и не заданными оригиналом» [9, с. 59]. При использовании переводческой компенсации утраченные элементы смысла оригинала передаются другими средствами, необязательно в том же месте текста. Это помогает восстановить такие нюансы, как ирония, игра слов, образность и другие, снижая потери смысла. Часто при этом грамматические средства заменяются лексическими, и наоборот.

«Компенсация может быть семантической, когда неперебиваемый элемент восполняется для сохранения общего смысла. Такой подход особенно полезен при передаче безэквивалентной лексики — слов, обозначающих реалии, присущие только культуре исходного языка и отсутствующие в языке перевода. Компенсацию особенно часто применяют, когда нужно передать языковые особенности оригинала, — такие как диалекты, особенности индивидуальной речи, языковые ошибки, каламбуры и игру слов. Эти

элементы часто не имеют прямых аналогов в языке перевода, поэтому требуют особого подхода» [9, с. 59].

Перевод художественного произведения — не только замена слов одного языка словами другого, но и сложный творческий процесс, требующий от переводчика хорошего знания языков и глубокого понимания культур, стоящих за ними. Это особенно актуально при переводе произведений, насыщенных национально-культурными реалиями, диалектами, индивидуальными особенностями речи персонажей и другими выразительными средствами. В таких случаях переводчику неизбежно приходится прибегать к различным видам трансформаций, чтобы сохранить не только смысл, но и художественную выразительность оригинала.

Разные исследователи предлагают различные классификации переводческих трансформаций. В данной работе в качестве теоретической базы используется классификация Л. С. Бархударова, выделяющего четыре основных типа переводческих трансформаций: *перестановку, замену, опущение и добавление* [3, с. 239].

«Перестановка — изменение порядка следования языковых элементов в переводе по сравнению с оригиналом. Переставляются могут слова, словосочетания, части сложного предложения и даже целые предложения. Основной причиной таких перестановок служат различия в структуре предложений языков.

Замены могут касаться как грамматических (формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксических связей), так и лексических элементов. Один из частых случаев — изменение синтаксической структуры предложения для правильной передачи его смыслового членения.

Добавления по смыслу в перевод включать не следует, их нужно оставлять за пределами текста. Однако в некоторых случаях без добавления слов не обойтись: например для соблюдения грамматических норм языка перевода.

Опущение как переводческий прием заключается в пропуске отдельных слов, чтобы сохранить соответствие нормам языка перевода. В отличие от *добавления*, *опущение* устраняет элементы, которые кажутся излишними или не несут значимой смысловой нагрузки в контексте перевода» [3, с. 239].

Проанализируем, как эти трансформации реализуются на практике, обратившись к примерам из романа «Дохунда» Садриддина Айни и его русского перевода.

Рассмотрим переводческие трансформации, использованные в рассказе «*Ҳисоб ҷав-ҷав, баҳиши лаг-лаг*» («*Расчёт — зернышко в зернышко, а подарок — без меры*»). Сюжет повествует о двух крестьянах, возвращающих хозяину долг, — мешки с пшеницей, взятой весной. Один из них, Назар, предлагает не взвешивать мешки, утверждая, что зерна даже больше, чем надо. Однако хозяин настаивает на точном подсчёте: «*Расчёт — зернышко в зернышко, а подарок — без меры*» — эта пословица требует семантической трансформации при переводе, чтобы сохранить её ритм и смысл.

Во время взвешивания оказывается, что крестьяне действительно привезли больше на один пуд. Однако пшеница, по словам хозяина, хуже по качеству — мелкая и щуплая. Хозяин предлагает оставить лишний пуд у него: если будет нужда, они снова смогут к нему обратиться. Это пример прагматической адаптации в переводе — важно сохранить не только слова, но и скрытую социальную иерархию и зависимость. Когда крестьяне просят вернуть расписку, хозяин отказывается, ссылаясь на то, что она в женской половине, где сейчас гости. Он обещает отдать её позже, в базарный день. Назар подозревает недоброе, но, не желая конфликта, уходит. Здесь применяется редукция: деталь о женской половине

может быть опущена в переводе на язык народа, в культуре которого таких реалий не существует, либо заменена функциональным эквивалентом.

После ухода посетителей хозяин жестоко избивает сироту Фатиму за то, что она не подала вовремя чай. Он вспоминает, как в голодный год купил её у отца за десять сиров пшеницы. Он также кричит на сына и женщин в доме. Эта сцена требует культурно-исторической адаптации при переводе: упоминание о покупке ребёнка и об общем отношении к женщинам и детям требует внимательной передачи, возможно, с помощью комментария или трансформации:

Оригинал: «Аз тарафи дарвоза садои «иш...ишшш...» омад; хўчаин нимхез шуда нигоҳ кард, ки ду нафар деҳқон панҷ хари пурборро ба ҳавли медароранд.

Деҳқонон «салом алайкӯм, салом алайкӯм» гӯён харҳоро пеши анбор бурда, борҳояшонро фуруварданд. Яке аз деҳқонон харҳои борҳояшон фурувардашударо ба тарафи соботе, ки дар он ҷо говон буданд, ронд.

- Назар! Хархотро ба вай собот бар, вагарна дар як дам охури говонро рӯфта медиҳанд, - гуфт хўчаин ба он деҳқон.

- Аз давлати шумо харҳои мо як каф коҳ хўранд, ҷӣ мешавад? Хўчаин, хуб диққат мекунед-дия! - гуфт Назар.

- «Шутур калон, ягираш ҳам калон» мегӯянд, - гуфт хўчаин, - дарди сари ман мувофиқи худам аст, як гапҳо мезанӣ, ки гӯё аз сари хирманат ба ман ду чувол коҳ оварда дода бошӣ.

- Коҳ бошад, коҳ-дия, хўчаин, як чувол, ду чувол коҳ писанд нест, саломатии шумо даркор аст, - гуфт Назар харҳоро ба тарафи соботи холи ронда истода.

Хўчаин аз ҷо бархоста пеши анбор омад, аз кисаи куртааш як калиди калони дутобаро бароварда кулфро кушод ва дари анборро боз карда даромад; зағомаи (паллаи) дар он ҷо бударо ба шоҳини тарозу, ки аз болори анбор овехтагӣ буд, гузаронид, дар сурохи тарафи санги шоҳин ба зери тасма як ҷубча халонид, ки тарафи санг аз тарафи бор ба кадри як нахӯд дарозтар. шуд» [1, с. 29].

Перевод: «Иш, иш-ш-ш! — слышалось в воротах.

Хозяин приподнялся и увидел двух крестьян, ввопивших во двор пять ослов с тяжелой поклажей.

Крестьяне, поздоровавшись с хозяином, подвели ослов к амбару и разгрузили их. Потом один крестьянин погнал ослов под навес, где стояли быки.

- Эй, Назар, — закричал ему хозяин, - ослов своих веди под другой навес, а то они мигом опустошат кормушки у быков!

Назар обернулся.

- Неужто обеднеете, если ослы съедят охапку соломы? - сказал он. — Сами посудите, хозяин.

- На большого верблюда и вьюк большой. У меня расходов больше, чем у других. А ты говоришь так, словно привез мне мешка два соломы со своего тока.

- Солома, она, конечно, и есть солома, — пробормотал Назар. — Да и что такое один-два мешка? Были б вы только здоровы. — Он погнал ослов под другой навес, к пустым кормушкам.

Хозяин спустился с суфы и подошел к амбару. Вынув из кармана ключ с двумя бородками, он отпер огромный замок и вошел в амбар. Там он просунул щепку в тесьму, на которой держалось коромысло весов, и сдвинул коромысло так, что сторона с чашей для гирь стала на одну горошину длинней стороны с чашей для груза» [2, с.138].

Перевод данного отрывка с таджикского на русский язык демонстрирует комплексное применение различных переводческих трансформаций, обеспечивающих не только точность передачи содержания, но и естественность звучания на языке перевода.

В русском тексте наиболее ярко проявились *лексические трансформации*. Переводчик прибегает к *конкретизации*: например, фраза «панҷ хари пурбор» получила более детализированное выражение – «пять ослов с тяжелой поклажей». Напротив, *генерализация* использована при передаче слова «коҳ» (солома) как «охапка соломы», где опущена мера «каф», но сохранена суть. Важную роль сыграла *модуляция* – смысловое развитие, особенно в идиомах. Так, пословица «Шутур калон, ягираш ҳам калон» преобразована в русский аналог: «На большого верблюда и вьюк большой», что делает её понятной русскоязычному читателю.

Грамматические трансформации включают *членение предложений* для улучшения читаемости. Длинные фразы оригинала разбиты на более короткие, например описание действий хозяина разделено на два предложения. Также изменён *синтаксический строй*: прямая речь в оригинале иногда заменяется деепричастными оборотами («поздоровавшись с хозяином» вместо буквального «сказали «салом алейкум»).

Стилистические приёмы направлены на компенсацию неизбежных потерь, например опущены диалектные частицы («-дия»), но эмоциональность диалога сохранена за счёт добавления междометий («Эй, Назар»).

Опущение некоторых деталей (как мера «каф») не искажает смысла, но упрощает восприятие.

Культурная адаптация проявляется в правильной замене реалий: «як каф коҳ» передано как «охапка соломы», что более привычно для русского читателя. При этом бытовые детали (действия с амбаром и весами) переведены почти дословно, сохраняя национальный колорит.

Перевод успешно балансирует между передачей содержания и культурных особенностей – точностью и *адаптивностью*, сохраняя естественность языка. Используются все основные типы трансформаций: *лексические, грамматические, стилистические*. Это позволяет говорить о высокой степени эквивалентности перевода, соответствующей требованиям художественного текста, где важны не только факты, но и эмоциональная атмосфера оригинала.

Перевод таджикского текста на русский язык представляет собой сложную задачу, требующую не только лингвистической точности, но и учета культурных особенностей.

В следующем фрагменте рассмотрим, как переводчик сохраняет национальный колорит оригинала, адаптируя его для русскоязычного читателя.

Оригинал: «Пас аз он ба деҳқонон:

- Борхоро дароред! - гуфта овоз дод.

Деҳқонон чуволҳои пурборро ягон-ягон ба анбор дароварданд; хучаинро ба сари тарозу дида яке аз деҳқонон гуфт;

- Хучаин! Баркашидан даркор нест, аз чор ман зиёд аст, ки кам намеояд.

Баркашида пухта кунем хуб аст, - гуфт хучаин. - «Ҳақ ба ҳақдор шуда қарз ба қиёмат намонад». Вагарна баробар бошад ҳам, дили кас қарор намегирад.

- Ду ман гандум дода чор ман гирифта истодаед, агар як микдор кам шавад ҳам, зарар намекашед, - гуфт он деҳқон.

- «Ҳисоб чав-чав, бахшиш лаг-лаг» гуфтаанд гузаштагон, гуфт хучаин, - агар ба шумоён инъом карданӣ шавам, вай дар вақти худаш ба пой худаш мешавад, хозир ҳисобро пухта қардан даркор аст.

Назар (ба зери лаб): - Ту хоки лаҳадро бахшиш мекуни, - гуфт ва ба хучаин нигоҳ карда давом намуд:

- Ҳозир ба ёдам омад, ки мо дар ҳисоб саҳв кардем, мо бо тарозу барнакашида бо манак андохта будем, ҳар як манакро ман панҷ сер ҳисоб кардаам ва ҳол он ки манак даҳчорякӣ буд; ба ин ҳисоб бояд бори мо зиёд барояд; баркашидан гиред, ки толеи мо тохт.

- Чизе, ки бошад, тарозу нишон медиҳад, ба зағома резед, - гуфт хўчаин.

Як тарозу баркашиданд.

- Баҳор, вақте ки ба мо гандум баркашида дода будед, бо даҳ сер ҳамин зағомаатон ҳамвор ҳам намешуд, ҳоло қариб аст, ки ба ин зағома даҳ сер нагунҷад? - гуфт Назар.

- Гандуми ман сермаӯз ва қурч буд, гандуми шумо сусти пуч будааст; бинобар ин бисёр санг намебардорад, - гӯён ҷавоб дод хўчаин.

Баркаш тамом шуд; аз рӯи ҳисоби охирии деҳқонон бояд гандумашон панҷ ман меомад ва ҳол он ки аз чор ман тахминан як пуд зиёдатӣ кард. Деҳқонон гандуми зиёдатиरो ба худ нигоҳ дошта ҷуволхояшонро ғундоштан гирифтанд» [1, с.28-29].

Перевод: «Затем он крикнул крестьянам:

- Вносите вьюки!

Крестьяне втащили полные мешки. Увидя хозяина возле весов, Назар сказал:

- Хозяин, нет нужды взвешивать. Тут больше четырех манов, а уж меньше никак не будет.

- Все же лучше взвесить, — сказал хозяин. — Вернешь, что полагается владельцу, — меньше долгу останется в день Страшного суда. Может, вес и правильный, да ведь сердце не успокоится, пока не проверишь.

- Вы давали нам два мана пшеницы, - сказал Назар, - а забираете четыре. Если даже в мешках окажется немного меньше, убытку не понесете.

- Наши деды говаривали так, — сказал хозяин, — расчет — зернышко в зернышко, а подарок без меры. Захочу вам подарок сделать, так это в свое время да своим порядком, а сейчас точно рассчитываться надо!

- От тебя подарка только и жди горсть земли на могилу! — сквозь зубы процедил Назар и вдруг спохватился. — Да ведь мы в счете ошиблись, сейчас только в голову пришло: мы не на весах взвешивали, а на маны прикидывали и каждый ман посчитали по пять сиров. Вот и выходит, что лишнее зерно привезли. Ладно уж, взвешивайте, счастье ваше!

— Весы правду покажут, — сказал хозяин, — сыпьте зерно в чашу.

После того, как взвесили одну чашу, Назар заметил:

- Весной, когда вы давали нам пшеницу, эту чашу и десять сиров зерна не могли наполнить, а сейчас десять сиров не вместятся в ней.

— Так это оттого, — сказал хозяин, — что моя пшеница была крупной, зерна налитые, а вы возвращаете мелкой и пустой. Потому-то ваша пшеница и не тянет.

Взвешивание окончилось. По расчету крестьян, здесь было пять манов, а у хозяина выходило лишь на один пуд больше четырех. Крестьяне отсыпали назад свой пуд пшеницы и стали собирать пустые мешки» [2, с.139].

Переводчик успешно передает национальный колорит — *бытовые и культурные реалии*, создавая у русскоязычного читателя представление о месте и времени действия (Средняя Азия, конец XIX — начало XX века).

Лексика, связанная с сельским хозяйством и мерой веса: «ман», «сир», «пуд» — сохранена без замены, что подчеркивает местный колорит; «анбор» - «амбар», «тарозу» - «весы» — термины адаптированы, но остаются узнаваемыми.

Фольклорные и религиозные элементы: «Ҳақ ба ҳақдор шуда, қарз ба қиёмат намонад» - «Вернешь, что полагается владельцу, — меньше долгу останется в день Страшного суда» — здесь переводчик сохраняет отсылку к исламской религии, используя знакомый русскому читателю христианский аналог («Страшный суд»).

Пословица «хисоб чав-чав, бахшиш лаг-лаг» - «расчет – зернышко в зернышко, а подарок без меры» передана через русскую идиоматику, сохраняя смысл, но теряя звуковую игру оригинала.

Социальные отношения: обращение «хўчаин» - «хозяин» (а не «господин» или «бай») отражает сословную структуру, где землевладелец имеет власть над крестьянами.

«Назар говорит сквозь зубы» - выражение, понятное в любой культуре, но в оригинале это «ба зери лаб» (букв. «под губу»), что передает скрытую насмешку.

Для достижения адекватности переводчик использует следующие приемы.

Лексические трансформации:

- конкретизацию: «борҳо» - «вьюки» (вместо просто «грузы»);
- генерализацию: «манак» (мера веса) - «ман» (опущена уменьшительно-пренебрежительная форма);
- модуляцию: «хўзир хисобро пухта кардан даркор аст» - «сейчас точно рассчитываться надо».

Грамматические изменения:

- членение предложений: длинные реплики разбиты на более короткие, например, речь хозяина о «подарке» для ясности разделена на две части;
- замена прямой речи косвенной: в оригинале Назар говорит напрямую, но в переводе добавлено «сквозь зубы процедил», что усиливает экспрессию.

Стилистические адаптации:

- компенсация: утраченная звуковая игра в пословицах компенсируется ритмом («зернышко в зернышко»);
- опущение: диалектные частицы («-дия») опущены, но это не влияет на понимание текста;
- культурная адаптация: «Қиёмат» - «Страшный суд» – замена исламского понятия христианским аналогом для русскоязычного читателя; «зерно пустое» → «мелочь и пустое» – усиление контраста между качеством зерна.

Переводчик *сохраняет национальный колорит*, но местами адаптирует текст для русскоязычной аудитории: успешно переданы черты быта, особенности социальных отношений, религиозные отсылки, звуковая игра в пословицах, некоторые диалектные нюансы.

Адекватность достигнута за счет баланса между точностью и естественностью. Русскоязычный читатель понимает, что действие происходит в среднеазиатском кишлаке с его традиционным укладом, но всё передаётся без лишней экзотики, затрудняющей восприятие.

Данный фрагмент можно считать *удачным примером культурно - адаптированного художественного перевода.*

Рассмотрим следующий эпизод.

Оригинал: «- Назар, ин гандуми зиёдатӣ ба бозгашта гирифта бурдан намеарзад, ба ҳамма рез мон! - гуфт хўчаин.

Назар (кадаре тунд шуда): - Магар «хисоб чав-чав» нест? - гуфт.

Хўчаин: - Ман ба як каф гандуми шумо зор нестам, - гуфт, - давлати худам ба худам насиб кунад бас аст, лекин нафъи шумо дар ин аст, ки ин як ғалбер гандумро ба анбори ман резед, агар баргашта баред, хоҳ бисёр аст, хоҳ кам, дар ду-се рӯз несту нобуд карда мефиристонед, «об дар хушкӣ намеистад» гуфтаанд; агар дар ин чо бошад, дар вақти маъталӣ ва муҳтоҷиатон дари анбори ман ҳамеша ба рӯи шумо боз аст.

Дехқонон барои як ғалбер гандум ранҷондани хўчаинро муносиб надиданд. - Соли оянда дар вақти тухм боз хўчаин даркор мешавад, - гуфтанд дар байни худ ва он гандумро ба ҳамма рехта, аз анбор баромада, чуволҳоро афшонда таҳ карданд.

Назар (ба хўчаин): - Хати (васикаи) моро диҳед, мо равам, - гуфт.

- Хат дар хонаи дарун, ба даруни сандук аст, лекин ҳозир дар хона меҳмони зан ҳаст. Даромада гирифтани мумкин нест, ёфта бароварда мемонам, рӯзи бозор мегири, - гуфт хӯчаин.

Назар: - Имрӯзо айна долу зарби кор аст, ба мо фурсат кучост, ки бозор оем, ҳозир ёфта медедед, хуб мешуд - гуфт.

- Як бор гуфтам, ки дар хона меҳмон ҳаст; даромадан мумкин нест, «гапи бисёр ба хар бор» гуфтаанд, агар рӯзи бозор дастат нарасад, кадом вақт ки фурсат ёфтӣ, омада мегири.

Назар худ ба худ ба зери лаб: «Дар ҳақиқат агар «гапи бисёр ба хар бор», намебуд, ту ин қадар намешӯридӣ» гуфт ва ба хӯчаин давом кард: - хайр, хӯш; ҳар чи бошад, ёфта мондани хат аз хотиратон фаромӯш нашавад-дия, хӯчаин!

Хӯчаин: - Хотирчамъ бош, ман хати туро тар карда намехӯрам, - гуфт» [1, с.31].

Перевод: «Назар, – сказал хозяин, – стоит ли увозить обратно излишек. Ссыпай и его в закрое!»

– А разве наш расчет — не зернышко в зернышко? – угрюмо спросил Назар.

– Да на что мне ваша горсть пшеницы? — ответил хозяин. — Мне и своего добра хватает. Я о вашей же пользе пекусь: вам же лучше будет, если всыплете ко мне в амбар это решето зерна. Дома вы враз его на муку изведете. Известно ведь, воду в засуху не сохранить. А если зерно останется тут, то, случись у вас нужда, - двери моего амбара всегда открыты.

Крестьяне не стали спорить из-за пуда пшеницы, так как знали, что весной будущего года им опять придется просить у него семена в долг.

Они вышли из амбара и сложили пустые мешки.

– Верните нашу расписку, — сказал Назар хозяину, – и мы пойдем.

– Расписка спрятана в сундуке на женской половине, – ответил хозяин, – а там сейчас женщина в гостях, так что мне войти нельзя. Я после отыщу расписку, а ты зайдешь в базарный день.

– Нам некогда по базарам ездить, теперь самое время работы. Хорошо бы сейчас получить расписку.

– Я ведь говорю: в доме чужая женщина и войти мне нельзя. Много слов, что ноша для ослов. Не сможешь в базарный день, так выберешься в другое время.

Назар подумал: «Если б и вправду для тебя было «много слов – что ноша для ослов», ты так не горячился бы». Потом сказал вслух:

– Ладно, хозяин, нам все равно. Только бы не забыли приготовить расписку.

– Будь спокоен, — сказал хозяин, — я твою расписку в похлебке не размочу и не съем» [2, с. 140].

Перевод данного фрагмента не только точно передает смысл оригинала, но и сохраняет его эмоциональную атмосферу, культурные особенности и речевую характеристику персонажей. Рассмотрим ключевые аспекты перевода. Переводчик использует различные трансформации, чтобы адаптировать текст для русскоязычного читателя, к примеру лексические трансформации:

- *конкретизацию*: «ин гандуми зиёдатӣ» – «излишек» (вместо буквального «эта лишняя пшеница»); «як ғалбер гандум» – «решето зерна» (сохранение бытовой детали);

- *замена пословиц и устойчивых выражений*: «ҳисоб чав-чав» – «зернышко в зернышко» (передача идеи точного расчета); «гапи бисёр ба хар бор» – «много слов — что ноша для ослов» (перевод с сохранением иносказательности); «об дар хушкӣ намеистад» – «воду в засуху не сохранить» (передача метафоры);

- *грамматические трансформации*: упрощение сложных синтаксических конструкций (разбивка длинных реплик); замена в некоторых случаях прямой речи косвенной для сохранения естественности;

- *культурная адаптация* - сохранение социальной иерархии: «хўчаин» - «хозяин» (без избыточной экзотизации);

- *религиозные и этические мотивы* переданы через русские аналоги (например, идея долга и справедливости).

Переводчик успешно передает *эмоциональную окраску диалога*, отражая характеры героев.

Назар (крестьянин):

- скрытая ирония: «Если б и вправду для тебя было «много слов — что ноша для ослов», ты так не горячился бы» (в оригинале: «Дар ҳақиқат агар «гапи бисёр ба хар бор», намебуд, ту ин қадар намешӯридӣ»);

- недовольство, но сдержанность: «Ладно, хозяин, нам все равно» (вместо буквального «Хорошо, хозяин, как будет»).

Хозяин (хўчаин):

- покровительственный тон: «Я о вашей же пользе пекусь...» (в оригинале: «Нафъи шумо дар ин аст...»);

- уклончивость и высокомерие: «Я ведь говорю: в доме чужая женщина...» (в оригинале: «Дар хона меҳмон зан ҳаст...»);

- пренебрежительное отношение: «Много слов — что ноша для ослов» (передает его раздражение).

Общая атмосфера:

- напряженность диалога передана через короткие отрывистые реплики;

- комический подтекст в финале: «Я твою расписку в похлебке не размочу и не съем» (в оригинале: «Ман хати туро тар карда намехӯрам») — переводчик добавляет иронию, делая текст живее.

Как показывает сравнительный анализ, в переводе национальный колорит передан без избыточной экзотизации. Переводчик сохранил естественность речи, точно передал эмоции, адаптировал сложные культурные понятия, что позволяет считать перевод удачным.

Переводчик успешно справился с задачей, создав живой, эмоционально насыщенный и культурно адаптированный текст.

Оригинал	Перевод
<p>«Дехқонон рафтанд; аз ҳавлӣ як бачаи тахминан 8-сола баромад; хўчаин аз дасти бача гирифта ба болои шаҳсуфа бароварда қадре дўстдорӣ қард, пас аз он:</p> <p>- Рав, писарам, Дилавар! Ба Фотима апаат гўй ба ман як чой дам қарда барорад, - гуфт, худ болишхоро ба зерӣ бағал қашида, боз ба андеша фурӯ рафт (Опушение), 15 дақиқа (Опушение)... ним соат фурсат аз миён рафт, ҳанӯз аз чой дарак не; хўчаин монанди қасе, ки нохост чизе ба ёдаш омада бошад, часта (Опушение) аз чояш хест ва ба ҳавли дарун даромад. Чор нафар зан, ки ба сари чор тағора нишаста</p>	<p>«Крестьяне ушли. С женской половины (Добавление) выбежал мальчик лет восьми. Хозяин взял его за руку, повел на суфу (В оригинале шаҳсуфа – большой высокий топчан), приласкал. - Дилавар, сынок мой, - сказал он, пойдӣ скажи Фатиме, пусть заварит чайник чаю. Мальчик убежал (добавление), а хозяин вновь прилег на подушки. Прошло полчаса, чаю все не было. Вдруг хозяин очнулся от своих дум, поднялся с одеял и пошел на женскую половину.</p>

<p>чомашуй мекарданд, хамагй аз чохо бархоста бо иззатдории тамом дастхоро пеш гирифта салом доданд. Хўчаин чавоби салом надод ва дахшат карда: - Фотима кучост? – гуфт» [1, с.31-32]</p>	<p>Четыре женщины, сидя на корточках, стирали в лохани белье. Они тотчас вскочили и, приложив руку к груди, почтительно приветствовали его. Хозяин не ответил на их приветствие и гневно спросил: -Где Фатима? [2, с.140].</p>
---	--

В приведенном отрывке переводчик использует четыре основных типа трансформации (перестановку, замену, добавление, опущение), чтобы адаптировать текст для русскоязычного читателя, сохраняя при этом смысл, стиль и национальный колорит.

1. Перестановка: изменение порядка слов или синтаксической структуры для естественности речи.

Оригинал: «Рав, писарам, Диловар! Ба Фотима апаат гўй...».

Перевод: «Диловар, сынок мой, пойдй скажи Фатиме...».

Имя «Диловар» перемещено в начало для эмоционального акцента. Глагольная конструкция упрощена (вместо «скажи Фатиме-апе» - «пойди скажи Фатиме»).

Перестановка кажется незначительной, но меняет оттенки социальных отношений. Для полной передачи авторского замысла можно: сохранить повелительную интонацию («Иди, Диловар...»), добавить сноску о культурном значении слова «апа». Культурно-исторический подтекст показан через отношение отца к сыну и служанке, но в переводе эти нюансы частично нивелируются, хотя общий смысл сохранен.

В тексте перевода наблюдаются замены – **конкретизация:** «шаҳсуфа» - «суфа» (опущение эпитетов «большая, высокая», но сохранен ключевой смысл). Такие культурные детали, как «шаҳсуфа» (намек на богатство) могли бы быть переданы более точно и с пояснениями.

Добавления в русском переводе использованы для ясности, как поясняющие элементы: «С женской половины выбежал мальчик...» – указание на гендерное разделение пространства, отсутствующее в оригинале; «Мальчик убежал» – динамика действия усилена для плавности повествования.

Опущения упрощают русский текст за счет второстепенных деталей: «15 дақиқа ... ним соат фурсат аз миён рафт» - «Прошло 15 минут...». Также снижает образность опущение описания «нохост чизе ба ёдаш омада бошад».

Переводчик применяет комплексный подход, сочетая трансформацию для сохранения национального колорита (через замены и добавления), устраняя лингвистическую избыточность (опущения), приближение к нормам русского языка (перестановки, грамматические замены).

В завершающей сцене хозяин, не найдя сына (Диловара), обрушивает гнев на жен и служанку Фатиму. Он упрекает их в безделье: уже три часа, как он вернулся, но ему не подали чай, скот не накормлен, а работник отсутствует. Особенно яростно он нападает на Фатиму, называя её «бездельницей», которая «объедает его дом». В конце концов, исчерпав слова, хозяин выходит во двор, ложится на суфу и мгновенно засыпает.

Основная идея фрагмента, которую русский переводчик должен был передать в русском тексте, – это **бесправие зависимых** (Фатима, купленная в голодный год за мешок пшеницы, и жёны хозяина абсолютно неправы перед его тиранией. Игнорируются даже оправдания девочки («Мне про чай никто не говорил»); **насилие** (гнев хозяина не имеет логического завершения: он не добивается порядка, а просто «выпускает пар» и засыпает. Это подчёркивает бессмысленность его жестокости – самодурство и замкнутость системы угнетения); **контраст силы и слабости** (Хозяин бьёт Фатиму, кричит, но его власть иллюзорна: он не контролирует даже быт (чай не готов, скот голоден); **сопротивление**

слабых (Фатима увернулась от второго удара, Диловар «юркнул» в комнату матери – символизирует скрытое неповиновение).

Автор показывает несправедливость патриархально-феодалного уклада, где хозяин не рациональный глава семьи, а взрывной тиран, а его жертвы вынуждены выживать через мелкие хитрости. Сон хозяина в финале – намёк на историческую обреченность такой системы (пример символики: «сразу уснул без дум» – его совесть «спит», а насилие стало рутиной).

Переводчик сохраняет основную идею угнетения и бессмысленной жестокости, но использует *лексические, синтаксические и стилистические трансформации* ради адаптации текста для русскоязычного читателя, усиливая эмоциональное воздействие:

1. Лексические трансформации. Унизительный упрёк, выраженный в оригинале фразой «Шикамат чунон сер шудааст», в переводе подвергается конкретизации: «Ты так заелась, что слова тебе в уши не лезут». В результате такой трансформации высказывание становится более образным и экспрессивным.

2. Синтаксические трансформации: в оригинале монолог хозяина – это длинные рубленые фразы с перечислением обид («се соат шуд... чой не... ятим ба сари хирман рафт...»). В переводе предложения короче и эмоциональнее, имитирующие спонтанную ярость: «Три часа, как я вернулся домой, а мне не подали и чайника чаю!». Читатель «слышит» живой крик, а не формальный упрёк.

3. Стилистические трансформации: в оригинале ирония и сарказм «Магар ман шуморо барои «бӯрдоқӣ» кардан гирифтаам» выражена в переводе обычным упреком: «Разве я собрал вас здесь, чтобы откармливать?!»,

4. Культурная адаптация: реалия быта «суфа» (возвышение для отдыха – топчан) оставлена без перевода, но её функция ясна из контекста.

Переводчик усиливает эмоциональность и динамику сцен, сохраняя социальную критику оригинала. Благодаря трансформациям речь хозяина становится более агрессивной и уничижительной, действия жертв (крестьян, Фатимы, Диловара) – более выразительными, что подчёркивает скрытое сопротивление. Абсурдность системы передаётся через иронию и резкие контрасты (ярость – мгновенный сон).

Перевод не просто копирует оригинал, но переосмысляет его, делая конфликт ещё более острым для восприятия русскоязычной аудитории.

Таким образом, анализ перевода романа Садриддина Айни «Дохунда» с таджикского на русский язык выявил *комплексный характер переводческих трансформаций, необходимых для адекватной передачи национальной образности и авторского замысла*. Исследование показало, что успешный перевод художественного текста требует не только лингвистической точности, но и глубокого понимания культурного контекста, что достигается через системное применение различных видов трансформаций.

Сохранение национального колорита стало одной из ключевых задач перевода. Культурные реалии («анбор» - «амбар, «шохсуфа» - «суфа») переданы с минимальной адаптацией, что позволило сохранить местный колорит. Особую сложность представляют фольклорные элементы - пословицы и идиомы («*Хисоб чав-чав*» - «*Расчёт — зернышко в зернышко*»), но переводчик находит смысловые аналоги, хотя звуковая игра оригинала частично утрачена. Социальные отношения, отражающие феодальный уклад (*обращение «хўчаин» - «хозяин»*), переданы точно, подчёркивая иерархическую структуру общества.

Особых переводческих решений требует *художественная образность*. Лексические трансформации проявились наиболее ярко: *конкретизация* («панч хари пурбор» - «*пять ослов с тяжёлой поклажей*»), *генерализация* («кох» - «*охапка соломы*»), *модуляция смысла*. Синтаксические изменения (перестановка, членение предложений) улучшили

читаемость текста – длинные фразы оригинала разбиты на короткие реплики, что усилило динамику диалогов. Культурная адаптация проявилась в замене религиозного понятия («Киёмат» на знакомый русскому читателю аналог - «Страшный суд»).

Эмоционально-стилистическая выразительность передана через тщательную работу с речевой характеристикой персонажей. Ярость хозяина подчёркнута огрублением лексики, а скрытое сопротивление жертв (Фатимы, Диловара) – динамичными глаголами («сувернулась», «юркнул»). Компенсация неизбежных потерь осуществлена через рифму и ритм в пословицах, а также через интонационное выделение ключевых фраз. Опускание диалектных частиц («-дия») не снизило эмоционального воздействия благодаря тщательному подбору эквивалентов.

Баланс адекватности и адаптивности достигнут за счёт сохранения социальной критики оригинала при её усилении для русскоязычного читателя. Яркие метафоры («его совесть спит») и контрасты (взрывная ярость → мгновенный сон) сделали текст более выразительным. Символизм (сон хозяина как метафора застоя) передан точно, но с лаконичностью, свойственной русской литературной традиции.

Итак, на основании проведённого анализа можно сформулировать рекомендации для переводческой практики: для большей этнографической точности целесообразно использовать пояснительные сноски («шахсуфа» — «большой топчан»); звуковую игру в пословицах следует по возможности сохранять через подбор аллитераций («чав-чав» - «зёрнышко к зёрнышку»); социальный контекст требует аккуратной адаптации, чтобы избежать и избыточной экзотизации, и упрощения.

В конечном итоге перевод романа «Дохунда» С. Айни демонстрирует успешное сочетание точности и художественности. Комплексное применение трансформаций (лексических, синтаксических, стилистических) позволило сохранить национальную уникальность текста, сделав его понятным и эмоционально насыщенным для русскоязычной аудитории. Это подтверждает, что художественный перевод представляет собой не механическую замену слов, а творческое переосмысление, где трансформации служат инструментом для передачи не только смысла, но и духа оригинала. Исследование показало, что оптимальная стратегия перевода национально окрашенных текстов должна основываться на гармоничном сочетании адекватности (верности оригиналу) и адаптивности (учёта особенностей языка перевода).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айни С. Дохунда: Роман. Т. 2. – Сталинобод: Наириёти Давлатии Тоҷикистон, 1960. – 471 с.
2. Айни С. Дохунда: Роман / Пер. с тадж. О. Эрберга; [Предисл. Л. Климовича] / Садриддин Айни. – Москва: Гослитиздат, 1956. – 404 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Курс лекций / В. Н. Комиссаров. – Москва: ЭТС, 1999. – 161 с.
5. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – Москва: Просвещение, 1981. – 180 с.
6. Мурувватиён Дж. Некоторые размышления о переводе романа «Дохунда» С. Айни на русский язык О.Е. Эрбергом / Дж. Мурувватиён / В. кн.: Филологические сюжеты. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 200 с.
7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – Москва: Международные отношения, 1974. – 216 с.

8. Сдобников В. В., Петрова, О. В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – Москва: АСТ: Восток—Запад, 2007. – 448 с.
9. Федоров А. В. Введение в теорию перевода / А. В. Федоров. – Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 336 с.
10. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Москва: Наука, 1988. – 214 с.

REFERENCES:

1. Aini S. *Dokhunda: A Novel. Vol. 2.* – Stalinobod: State Publishing House of Tajikistan, 1960. – 471 pp.
2. Aini, S. *Dokhunda: A Novel / Translated from Tajik by O. Erberg; [Foreword by L. Klimovich] / Sadridin Aini.* – Moscow: Goslitizdat, 1956. – 404 pp.
3. Barkhudarov, L. S. *Language and Translation: Issues in General and Specific Translation Theory / L. S. Barkhudarov.* – Moscow: International Relations, 1975. – 240 pp.
4. Komissarov, V. N. *Modern Translation Studies: A Course of Lectures / V. N. Komissarov.* – Moscow: ETS, 1999. – 161 pp.
5. Latyshev, L. K. *Translation: Problems of Theory, Practice, and Teaching Methods / L. K. Latyshev.* – Moscow: Prosveshchenie, 1981. – 180 pp.
6. Muruvatiyon, J. *Some Reflections on the Translation of S. Aini's Novel "Dokhunda" into Russian by O. E. Erberg / J. Muruvatiyon / In: Philological Topics.* – Dushanbe: R-graph, 2022. – 200 pp.
7. Retsker, Ya. I. *Theory of Translation and Translation Practice: Essays on Linguistic Theory of Translation / Ya. I. Retsker.* – Moscow: International Relations, 1974. – 216 pp.
8. Sdobnikov, V. V., Petrova, O. V. *Theory of Translation: A Textbook for Students of Linguistic Universities and Foreign Language Departments / V. V. Sdobnikov, O. V. Petrova.* – Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. – 448 pp.
9. Fedorov, A. V. *Introduction to Translation Theory / A. V. Fedorov.* – Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1953. – 336 pp.
10. Schweizer, A. D. *Theory of Translation: Status, Problems, Aspects / A. D. Schweizer.* – Moscow: Nauka, 1988. – 214 pp.